

Убей меня, Господи!

Я восхожу на гору. Кармил. До этого мне предшествовал долгий и трудный путь, казавшийся поначалу коротким и безмятежным. Было весело * Восхождение долгое, и пред моими глазами отчётило, словно видеозапись, проплывала вся моя жизнь. Безусловно, в ней присутствовали определенные вехи, точно пики на кардиограмме, или спады, или ровные, едва колыхаемые нити, но всё это она □ моя жизнь. Её рассекал Крест. Всё, что происходило до Креста, и всё, что после. Сейчас меня интересовало после. До этого я была мёртвой.

Я видела день, когда ожила. Когда Крест стал реальностью моей жизни. Когда воссияло во мне Солнце Божьей Любви, и мир преобразился!

Сначала я этого не поняла, ведь для души так естественно быть живой и противоестественно □ мёртвой! Как будто бы я жила всегда. Так было, пока не пришёл грех. И солнце души моей померкло. Тьма, в которой я прожила большую часть жизни, её не замечая, стала вдруг удушающе-отвратительной, от неё несло смертью, и я взмолилась. Я плакала, как ребёнок, умоляя Господа удалить от меня этот грех, и Он услышал меня. Как слышал впоследствии ещё не раз...

Помню день моего крещения. Лил дождь, но я была счастлива. Ещё бы! Моя старая ветхая природа осталась лежать на дне озера, а новая, обновленная, вынырнула со мной из воды. Это видели люди, ангелы, демоны. Всё – я Божья! На мне Его печать...

Ещё был день, когда я миновала Галгал, Вефиль, Иерихон * Я твёрдо стояла на ногах, облачённая в могущество моего Бога, об имени Его мне повиновались бесы. Не было человека более успешного, чем я. Так мне казалось.

Однажды я увидела Крест, и себя на нём, заплакала, затем возликовала. Значение сего видения было ясно: Крестом мир распят стал для меня, и я для мира. Я громко говорила, что «я сораспялась Христу» и что «уже не я живу, а живёт во мне Христос *□ и так далее.

От Иерихона до Иордана □ рукой подать, так почему же теперь я восхожу на гору Кармил, не смея поднять на вершину глаз, и ноги мои точно чугунные?

Я точно знаю □ там Жертвенник, и по-другому нельзя. Я буду умолять моего Господина о милости быть убитой. Это моё решение. Оно далось тяжело, ведь я так хочу жить! Но более терпеть невозможно. Мне мерзостно смотреть на себя. На моей одежде нет ни единого светлого пятна, вся она залита нечистотами. Я больше так не могу; кажется, целая вечность, как я не слышу Господа...

Не сотвори...

Я сотворила.

Не обмани...

Я солгала.

Не измени...

Я изменила.

Не пожелай...

Пожелала.

Да не убий...

Господь, убила.

Не суесловь...

В сие несла.

Святи...

Себя не освятила.

Почти...

Не почитала я.

Всё, что можно было нарушить, я нарушила, и не осталось мне более жертвы за грех, а только лишь страшное ожидание огня, готового пожрать противников моего Господа. Да, я не оговорилась: МОЕГО. И вот поднимаюсь я к Тебе на гору, нищая, униженная, грязная, заблеванная и заплеванная, но всё равно Твоя! Нет во мне ничего, чем могла бы я гордиться. Как о великой милости умоляю Тебя о смерти – убей меня!

Взбираюсь на Жертвенник. Это тяжело, он высок весьма и сложен из массивных необтесанных камней. Но мне безразлично, я почти добралась до цели, и жизнь для меня мучение, а смерть благо.

Я распостёрлась на Жертвеннике лицом к Тебе. Умоляю: свяжи мне руки, чтобы ненароком не отвела я Твоего меча. Но Ты качаешь головой – всё правильно – это мой выбор – Ты не творишь насилия, и раз уж я здесь, то должна претерпеть до конца.

Закрываю глаза, и непроизвольные слёзы стекают по моим вискам: я не хочу умирать, мне страшно. Ты велишь мне смотреть, и я вижу, как заносится надо мной Твой меч...

Невыносимо хочется жить! Я знаю – достаточно моего желания, и Ты уберёшь руку, но нет! Я не хочу прошлой жизни, когда нет Тебя рядом, когда Солнце Твоей Любви померкло и идолы заполонили мою жизнь. Они не оставят меня, я знаю, и если я не умру, то потеряю Тебя навеки. Убей меня, милый мой, убей меня, мой хороший! Смотри: я не закрываю глаз, я смотрю прямо на Тебя и вижу, как блестят слёзы на Твоих глазах.

Ты меня понимаешь, Ты сам был на этом Жертвеннике, и Ты знаешь, что это мой путь – путь каждого, кто желает приблизиться к Тебе... И я ободряюще Тебе улыбаюсь: давай!

Взмах, и Твой обоюдоострый меч рассекает меня надвое, кровь заливает Жертвенник и * Господи, как это больно! Ты отсекаешь моих ненавистных идолов! Я вижу их словно деревья, проросшие в мою плоть корнями. Ты выкорчёвываешь их, и я вою от боли. Как это происходит: меня нет, а боль есть?! Я вижу демонов, столпившихся возле моего мёртвого тела, которое ранее было им пристанищем. Их имена: гордость, ненависть, злоба, тщеславие, трусость, предательство, лесть, корыстолюбие, властность, себялюбие, похоть * и такие, что стыдно произнести. Но главный среди них – смерть – самый ужасный, он мрачен, потому что сегодня потерял меня. Я умерла для смерти...

Любимый! Я знаю теперь, что есть свобода. Свобода, чтобы жить вечно.

Влеки меня, единственный мой, влеки меня...

PS На горе Кармил были убиты 450 жрецов Ваала.

Светлана Капинос

March 11, 2010